

Марина ТОКАРЕВА

«РУГАТЬСЯ УМЕЕТ КАЖДЫЙ ДУРАК...»

Если бы ей сказали, что знаменитую до пошлости цитату из Белинского, начинающуюся вопросом, «любите ли вы театр?», а завершающуюся требованием «...ступайте в театр... и умрите в нем!» – ей было назначено воплотить почти буквально, жизнью, до последнего дня, она б скорее всего усмехнулась – криво, и пошутила б – едко...

Впервые об этой книге было сказано в холодный ноябрьский день последних проводов; в компьютере и в письменном столе Натальи Казьминой остались статьи, рукописи – надо собрать и издать... Мы слушали и не слышали: невозможно было поверить в происходящее: горы цветов, скорбные речи, и только шелковая челка над незнакомым лицом была Наташина...

Через год книга вышла. Наталья Казьмина вернулась как явление театральной прозы и как феномен понимания. Изданную посмертно, книгу назвали «Здравствуй и прощай», как одну из ее статей.

Так устроено в жизни, что мы лишаемся и лишаемся собеседников, и самые важные часто уходят первыми. «Здравствуй и прощай» (Москва, издательство «Навона») – возможность продолжения необходимого диалога. В этой книжке живут мысль, дух и образы автора.

В наших буднях крушения театральных моделей, подмены смыслов, когда пустота манифестируется и объявляется новым словом, профессия критика стала особо ответственной задачей, порою миссией. Казьмина это понимала отчетливо. Театр сегодня сплошь и рядом не площадка безмятежных развлечений, а поле конфликта – идеалистов и циников, исследователей и искажителей, в нем каждый вечер идет спор о том, за кем будущее и кому определять настоящее.

Наталья Казьмина была активным и последовательным субъектом этого процесса.

Ни в одной спорной ситуации современного театра она не страшилась называть новых королей сцены голыми. Но еще важнее – понимала как сложно быть в театре:

Наталья Казьмина.
Здравствуй и прощай.
Театр в портретах и диалогах.
М.: Navona. 2012

актером, режиссером, творящим человеком. Она умела любить и ценить разное и разных, умела быть щедрой и неожиданной, точной и сострадательной.

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне! Как страшно, оказывается (и как смешно), жить на сломе эпох, на стыке тысячелетий. Видеть, что все кончается и все начинается снова. Знать, что все уже было, и уговаривать себя, что все еще будет. ...Смотреть новые спектакли и узнавать в них старые, как мир, приемы», – писала Казьмина.

Однажды, в споре о том, чем является критика в наши дни, пишет в предисловии Валерий Семеновский, сферой влияния или сферой обслуживания, Казьмина ответила независимо – сферой впечатления.

И она действительно умела воссоздать свое впечатление от взгляда на сцену объемно и ярко. Художественно.

При этом обладала честностью перед лицом задачи, скромностью перед предметом профессии, верностью самооценки. В разные годы находила силы оставаться критиком с идеальными целями, вне интересов конъюнктуры и выгод. И за недлинную жизнь выработала свой кодекс представлений, который сегодня делает ее книгу посланием умным современникам.

Всю жизнь писала театральные дневники, говорят, сейчас еще рано его публиковать; страстно и полно жила в своем времени, в котором ее порой теснили и приводили в досаду «инакомыслящие», а помнила о времени вне и без нас. Уверена: ее оценкам, «как драгоценным винам, наступит свой черед».

«Здравствуй и прощай» несет посыл профессионального благородства. В нашем цехе это второй случай за последние годы, когда книга критика, ушедшего внезапно и трагически рано, посмертно издана коллегами.

Елена Груева сделала замечательную книгу Марины Зайонц. Александра Заславская собрала, продумала и отредактировала книгу Натальи Казьминой.

...На презентацию в фойе Вахтанговского театра пришло очень много людей – критиков, режиссеров, актеров; случился праздник для людей театра, которых в последний раз собрала Наташа. Говорили о том, что Казьмина умела помнить историю, помнить, что все началось не вчера. Что была посредником «между нами, режиссерами» (Михаил Левитин), что актеров жалела; что писала от своего имени, только от своего, и за себя отвечала, что было в ней что-то такое, вне стаи... (Борис Поюровский); что была очаровательной женщиной, и в каждой статье, в каждом человеке находила, что любить (Генриетта Яновская); и если считать, что профессия журналиста

призвана обслуживать, то Наташа «обслуживала» истину (Василий Лановой)...

И более чем к месту цитировали Немировича-Данченко: «Ругаться умеет каждый дурак! Вы объясните, что вы думаете, и тогда я решу есть ли у вас голос, и имеете ли вы право что-то чирикать!»

Наташа (не частый, и не обязательный, как сплошь и рядом видим, дар для театрального критика) умела думать: и поденный критический труд, неспешный научный анализ, вне соблазнов сиюминутности, и сверкающая кинжальной полемикой рецензия, и интервью, из которого понятно, как герой ценит тонкого собеседника, – все жанры проходят в этой книге, создавая объем просторной мысли о театре, в которой растворяется второстепенное и протупает главное.

...Как-то нас позвали на премьеру. На сцене была куча песка, герои по ходу спектакля просеивали его между пальцами, месили ногами. Сидя в третьем ряду, я думала только о том, какая у меня сейчас начнется аллергия, а Наташа в первом писала и писала в блокнот. В моем тексте, вышедшем после, сквозило раздражение, ее текст сверкал талантом опережающего прочтения. Этой способностью она обладала в полной мере – считать еще не проявленный, не совершенный замысел и, облекая в слова, выводить на свет, помогать рождению. Уважение и деликатность, чаще чем неприятие, вели ее руку. Даже пристрастность становилась у нее силой: «...кого любишь, того и даришь: пониманием, прощением» – обмолвилась она как-то в статье.

...Я очень скучаю по Наташе. По ее хмуроватому взгляду, иронической улыбке, по тем разговорам, которые можно было вести только с ней. И по тем временам, когда театр значил больше, чем театр и его отдельные персонажи. Эти времена внутри Натальи Казьминой длились и не кончались, об этом – «Здравствуй и прощай».